

ГЛАВА 1

Мужчина постоял в темноте, прислушиваясь к звукам маленького двора. Старенький двухэтажный дом на окраине Москвы. Люди, которые в нем жили, знали друг друга десятилетиями, потому что у живущих здесь нет и никогда не было шансов переехать в престижный район, в элитное жилье. У них есть шанс покинуть этот дом, который еще лет двадцать назад признали аварийным жильем, но переедут они все равно в убогое серое жилище, все так же далекое от благ цивилизации, от красивой столицы, какой ее привыкли видеть по Первому каналу Центрального телевидения миллионы людей.

Человек, стоявший сейчас за разросшимся кустом сирени, знал хорошо этот запах. Запах неустроенности, запах безнадёжности, безысходности. Когда люди мирятся с привычным течением жизни, который их не устраивает, всегда приходит

этот запах нищеты, запустения, грязной одежды, несвежего белья потных тел...

В доме где-то играла музыка, бившая по мозгам высокими частотами, орали друг на друга хриплый мужской и визгливый женский голоса. Мужчина еще раз осмотрелся и двинулся к входной двери крайнего левого подъезда. Скрипучие деревянные ступени, расшатанные, захватанные до черноты деревянные перила. На втором этаже он решительно повернул направо. Вот и дверь под номером 12. Закрыта не плотно.

Геннадий Фролов опрокинул в рот остатки водки, сунул следом несвежий помидор и шумно выдохнул, продолжая жевать. По жилам потекло тепло и успокоение. Начавшаяся опять дрожь постепенно улеглась, сосуды расширились, и мир снова стал приходить в норму, со своими звуками и красками. Даже боли в области живота поутихли. Фролов лег на кровать, закрыл глаза и блаженно приготовился опуститься в сон. Но вдруг входная дверь его комнаты распахнулась. Кого черт принес! Васька, сволочь!.. Опять в долг пришел просить налить ему «стакашек».

Фролов приподнял голову, повел мутными глазами, и дрема мгновенно уле-

тучилась. В комнате стоял незнакомый мужчина, старательно закрывавший за собой входную дверь. Невысокий, худой, с костистым носом и неопрятной щетиной на лице. Что-то в его облике мерещилось знакомое. Или просто в незнакомце Фролов безошибочно узнал своего брата-«сидельца».

— Тебе че? — вяло спросил он.

— Фрол, не узнаешь, что ли? — оскандился незнакомец длинными неровными зубами. — Во как! Откинулся и сразу забывать начал тех, с кем на соседней шконке спал.

— Ты... этот? — наморщил лоб Фролов, судорожно пытаясь вспомнить этого человека. Вроде и правда сидели вместе... где-то.

У него за спиной были две судимости, а значит, две колонии. Первая «ходка» «на пятерик», а второй раз на семь лет. Сколько прошло лиц в его отряде. А когда все стрижены на один манер, да в одинаковых черных спецухах, тогда кажется, что все ээки на одно лицо.

— Костыль я, — улыбнулся гость. — Забыл, наверное, меня. Да и как не забыть, когда столько лет прошло. Не пригласишь старого кореша к столу?

Фролов наморщил лоб и тут же осознал наконец, что все еще полулежит на кровати, а его гость стоит посреди комнаты и озирается с усмешкой. Ишь, с неудовольствием подумал он, приперся, к столу его сажай. Тут, может, помереть хочется поскорее, а не с ним из пустого в порожнее перегонять. Однако сознание ворчалло, а тело стало подниматься с кровати. Тело помнило, что если ты сидел с человеком, то он тебе ближе любого родственника.

— Проходи, Костыль, — кивнул Фролов, подходя с кряхтением к столу и смахивая рукавом рубашки крошки прямо на пол. — Ты, это, извини, только у меня тут очень с этим...

— Да вижу, Фрол, чего ты тусуешься, — засмеялся гость и поставил на стол сумку, до этого оттягивающую ему плечо. — Я не с пустыми руками. Найдется чем вспрыснуть встречу и чем закусить. Старым корешам есть о чем побазарить.

И когда на столе появились три бутылки водки, когда легли на него пакетики с ветчиной, полукопченой колбасой, помидорами, то слова «старые кореша» сразу перестали вызывать у Фролова раздражение. А Костыль, или как там его, начал умело накрывать на стол, доставая без спроса из

шкафа тарелки, вилки, стаканы. Через несколько минут в стаканы полилась водка, и завязался душевный разговор о тех годах, когда они вместе «топтали зону», о темных ночах и колючей проволоке, отделявшей их от свободы. Костыль все подливал и подливал хозяину. Не помногу, а так, чтобы на дне стакана что-то бултыхалось.

— Слушай, Фрол, дело к тебе есть одно, — вдруг стал он серьезным.

Фролов разлепил начавшие слипаться веки и внимательно посмотрел на Костыля. Или постарался посмотреть внимательно. Обычное дело. Так разговоры и начинаются, когда к тебе заявляются вдруг старые кореша, с кем в одной зоне «чалился». Предложения всякие делают, с просьбами обращаются. Это уж как водится. Или отсидеться просит человек, или пристроить безделушки какие-нибудь.

— О чем базар, — дернул он щекой. — Хата на несколько дней нужна? Валяй. Скажу, если что, не знаю, мол, и не помню такого. Пришел, попросил комнату сдать, и всякий участковый поверит. Я же нищий, Костыль, голодранец. Ты думаешь, чего я тут гнию? А я гнию. Мне, может, жить осталось всего ничего. Рак у меня, понимаешь... хотя откуда тебе понять?

Лицо гостя дернулось в какой-то недоброй усмешке. Он откинулся на спинку расшатанного стула и сунул в рот спичку.

— Нет, Фрол, жить я у тебя не буду. Дело в другом. Мне нужно спрятать кое-что у тебя. До поры до времени.

— Рыжья¹ небось наковыряли, — понимающе кивнул Фролов. — Нет, с этим даже не подходи. Мне с «уголовкой» дел иметь ни к чему. Мне помереть спокойно хочется. Дома... в постели... а не на вонючей шконке в лагерном лазарете.

— Дурак, — многозначительно зашипел его гость. — А я тебе что предлагаю? Я тебе предлагаю остаток жизни прожить как белому человеку. Хочешь, так в клинике, а не хочешь, так в своем доме на берегу озера. Как душа твоя пожелает...

Костыль говорил странные слова. Они смущали Фролова, его опьяневшее сознание, но и благодаря алкоголю проникали глубоко, в самую душу.

— У тебя ведь дочь есть. Я помню, ты в зоне как-то рассказывал.

— Я?

¹ Рыжье (*жарг.*) — золото, золотые украшения.
■ Изделия из золота.

— Ты, ты, — небрежно отмахнулся гость. — Катюхой ее зовут. Она ведь взрослая у тебя, ей жить да жить. А без денег много она наживет?

— Она знаться со мной не хочет, — пригорюнился Фролов. — Я для нее не отец...

— Два раза дурак, — убежденно проговорил Костыль. — Как увидит столько денег, она же все простит, когда и на квартиру с молодым мужем хватит, и на дорогую иномарку. Эх, какая жизнь у них начнется! Не то что у нас с тобой. А хочешь, так можно и анонимно им деньги передать. Мол, наследство, а от кого и неважно. А когда они увидят, сколько там бабла...

— Ты про какие деньги мне все талдычишь, а, Костыль? — Фролов с тоской посмотрел в глаза гостю.

— Так это же плата за услугу, понимаешь ты, дурья башка! — засмеялся Костыль. — Ты сумочку одну в тайном месте спрячь, а тебе с этой услуги десятую часть. Мне не жалко для старого кореша. Я бы и больше дал, но не все там мое, пойми. А десятая часть — это пять «лямов». Ты только спрячь, ведь никто и не узнает. Никто не видел, как я к тебе пришел, ни-

кто не увидит, как я тихонько уйду. Вер-
няк ведь, Фрол!

— Пя-ать? — удивленно прошептал
Фролов.

— Пять, пять, — похлопал его по руке
Костыль. — Возьмешь, и тут же я тебе от-
считаю пачечками. Десять пачечек по сто
купюр. И купюрки все красные, пятиты-
сячные. Они много места не займут. Но
сколько ты дочке сможешь на них сделать,
а? Ты только придумай, где сумочку мою
ценную спрятать. Может, гараж у тебя
есть или сарай? А может, дача за городом?

— Погреб, — загорелся идеей внезап-
ного обогащения Фролов. — У меня в са-
рае погреб. Там под ящиками, под стел-
лажами можно спрятать. А нет... лучше
в пакет и в песок. У меня там песок в углу,
я на нем, бывало, морковку и свеколку на
зиму складывал. Заготовки делал.

— Молоток, Фрол! — восхитился
гость. — А я думал, все, пропил мозги,
а ты вон как соображаешь. Не голова,
а Дом советов!

— Так, может, прямо сейчас? — с ви-
дом заговорщика спросил Фролов.

— Давай, — охотно согласился Ко-
стыль. — Только сделаем так. Чтобы нас
с тобой никто не видел, ты один пойдешь

в свой сарай. Я тебе вот пакет дам. — И вытащил из своей наплечной сумки пакет, весь опутанный скотчем.

Он был увесистый, что заставило Фролова с уважением взять его в руки и осторожно положить перед собой на стол. Видать, ребята ювелирный взяли. Это правильно, теперь рыжые отлежаться должно, потому как его искать будут по всем скупкам, на всех выездах из города.

— А вот это твой гонорар. — Костыль вытащил из сумки еще один пакет и стал вынимать из него пачки денег, обернутые банковской лентой. — Десять пачек по пятьсот тысяч. Ты их тоже спрячь где-нибудь в погребе до поры до времени. Нечего им дома валяться. Утрясется все маленько, потом хлоп, и подарок дочке на стол! Солидно, а?

Фролов толком не слушал гостя. Он уже и не думал о том, что не помнил этого человека, этой клички. Мысль перед смертью помириться с дочерью полностью овладела им. И не просто помириться, но еще и обеспечить ей начало семейной жизни. У Фролова аж дух захватило от свалившегося на него счастья. Теперь и умирать не так страшно. А Костыль уже стоял на ногах и подталкивал хозяина дома

под локоть, торопя его сходить в погреб и спрятать богатство.

В ночном коридоре никого не было. Даже ругань улеглась у пьяниц-соседей. То ли уснули, то ли перепились, то ли ушли еще искать. Фролов, вдруг протрезвев и начав мыслить четко и правильно, как ему казалось, торопливо прошел к общей лестнице и задержался возле нее. Внизу голосов не слышать. Надо спуститься и, не выходя на улицу, снова послушать. Может, на лавке кто сидит.

Со всеми мыслимыми и немыслимыми предосторожностями он наконец добрался до своего сарая, ютившегося в общей массе покосившихся и обветшавших деревянных и кирпичных строений чуть в стороне от дома под старыми тополями. Тут было темно, и Фролова это устраивало. Зажимая ногами пакет, поставленный на землю, он на ощупь пытался открыть ржавый навесной замок. Сколько он его не открывал, год, два? А вот и пригодился.

Дверь пришлось не просто открывать, а приподнимать и относить в сторону, поворачивая ее на одной верхней петле. Темно, но Фролов знал каждый метр своего сарая, каждую кучу хлама в нем. И все же он пожалел, что не догадался фонарь

взять, спички или свечу. Как же в погребке без огня?

Вдруг луч света небольшого фонаря лизнул стену возле открытого люка погребка, и Фролов, вздрогнув, ухватился за стену. К нему медленно подходил улыбающийся Костыль. И дверь сарая он не забыл закрыть. Хорошая дверь, фанерой изнутри обита, жалко только, что гвозди на нижней петле повыскакивали...

— Помочь тебе решил, Фрол, — заговорил Костыль, подходя к Фролову и присаживаясь рядом с погребком на корточках. — Ты же без огня пошел. Я и думаю, как он там в темноте, дай схожу, фонарь ему принесу, не упал бы.

Сомнения зашевелились в голове Фролова. Вся его жизнь была чередой лжи, хитрости, афер, краж и снова лжи. Не верил он людям, в крови у него уже недоверие к доброте. Но Костыль как будто понял его и тихо засмеялся:

— Я с тобой не полезу, а то подумаешь еще, что я хочу подглядеть, куда ты деньги спрячешь. Просто беспокоюсь, чтобы ты не покалечился. А то кто же сохранит мой клад? Ты спускайся, а я наверху покараулю.

Фролов успокоился. Это нормально, что Костыль ему не верил, что беспоко-